

УДК 130.2

СОВРЕМЕННОЕ МИФОСОЗНАНИЕ И СУБКУЛЬТУРНЫЕ РЕЛИГИИ

О.Н. РИМСКАЯ
В.П. РИМСКИЙ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В статье современная социальная мифология рассматривается в качестве ментального механизма воспроизводства субкультур и субкультурных религий, трансформации психологии, сознания и поведения человека в превращенных (инновационных, поисковых) и извращенных (отчужденных, деструктивных) формах.

Ключевые слова: субкультурная религиозность, миф и религия, современная мифология, превращенные формы.

В предыдущих публикациях* мы помимо эпистемологических проблем рассматривали социокультурные контексты и факторы производства и воспроизводства субкультур и субкультурных религий в сложной динамике эпохи перехода к постиндустриализму, получившей применительно в культурологии номинацию «эпохи постмодерна». Однако сами «факторы» и «контексты» прямого отношения к феноменам сознания не имеют – сознание всегда существует не как некий «левиафан» («общественное сознание», «коллективные представления» и т.п.), а как сознание вполне конкретно-исторических людей, погруженных через повседневность собственной жизнедеятельности в эти самые «контексты», формируемые «факторами».

Человек всегда воспринимает свое непосредственное жизненное пространство, мир сквозь призму повседневности и повседневной деятельности, в которой собственно и формируются многие фетишизации, иллюзорные и превращенные, «объективно-мыслительные» формы (прямо по Марксу) сознания и самосознания человека. Собственно, они и определяют конкретный ментальный механизм жизнедеятельности человека, который при ближайшем рассмотрении оказывается специфической формой *современного мифологического сознания*.

Современная (социальная) мифология нами рассматривается в качестве коллективного (институализированного) и индивидуального ментального механизма воздействия на психологию, сознание и поведение человека, что определяет измененные формы самосознания и *децентрированной* личностной идентичности человека в субкультурных религиях*. При этом мы исходим из того, что не существует какого-то особого, субстанциального «мифологического» или «религиозного», как и «научного» сознания и самосознания, а есть лишь их конкретно-исторические формы, которые проявляются и закрепляются в специфических формах деятельности, в том числе и духовной, мыслительной, в продуктах этой деятельности, выраженных в знаково-символических системах как носителях специфических культурных кодов.

Мы в данной статье более интенсивно употребляем понятие «субкультурная религиозность». Оно в отличие от понятия «субкультурные религии» отражает *процессуальную сторону* существования субкультурных религий, *социокультурную динамику* современного религиозного плюрализма, в которой и происходит жизнедеятельность конкретного человека. Мы обосновываем точку зрения, заключающуюся в том, что современные субкультурные религии как формы сознания и жизнедеятельности являются

* См.: М.М. Белоусова, Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40; Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252; Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 71-78; и др.

* Заметим, что этот феномен присущ вообще человеку наших дней – в субкультурных религиях децентрированность личности и самосознания как-то иерархизируется, пусть и в превращенных формах.

разновидностью современной мифологии как продукта техногенных культурно-цивилизационных систем. Это и вызывает эпистемологические парадоксы, когда их пытаются сравнивать с традиционными религиями, которые формировались в контексте доиндустриальных культур и цивилизаций, а в наших реалиях лишь трансформируются, адаптируются. При этом нами проводится последовательное различение мифологии (в том числе современной, социальной) и религии как культурных и ментальных форм.

Проблема соотношения мифа и религии – очень старая, чуть ли не из разряда «вечных» философских проблем. Проблема мифа и религии, как и конкретно-исторических форм мифосознания и мифологической ментальности, имеют и длительную историко-философскую традицию. Если даже не упоминать имена философских классиков (Гегеля и Шеллинга, романтиков и Ницше), то стоит помнить традиции теоретиков «мифологической школы» (А. Кун, К. Зимрок, М. Мюллер, А. Афанасьев, Ф. Буслев и др.) и культурно-антропологического эволюционизма (Э. Тейлор, Дж. Фрезер, Б. Малиновский, Ф. Боас, Л. Леви-Брюль и др.) XIX-XX вв. Их интересовали не только архаические формы мифа и его историческая эволюция в религиях, фольклоре, языке, искусстве и литературе. Уже в их работах ставился вопрос о «рациональных» и «нерациональных» элементах мифа, о его «живучести» даже в лучах «научного разума», о связи мифа с современными идеологическими конструктами. Далее проблематика развивается в философских, психологических, семиотических и культурно-антропологических концепциях ментальности, мифа и религии, современной мифологии Р. Барта и С.С.Аверинцева, М.Блока и М.М. Бахтина, Ф. Броделя и А.Я. Гуревича, Э.Кассирера и А.Ф.Лосева, Л. Леви-Брюля и О.М. Фрейденберг, К. Леви-Стросса и Ю.М.Лотмана, Ж. Ле Гоффа и Б.А. Успенского, М. Элиаде и Е.М. Мелетинского, К. Юнга и М.К. Петрова, Ф. Кликса и Вяч. Вс. Иванова, и др.

Поэтому удивляет наивность, с которой заявляют о проблеме соотношения мифологического и религиозного сознания, как о чуть ли не вновь открываемой некоторыми авторами¹. Это вообще характерно для нашего отечественного философского дискурса последних двух десятилетий, когда о той или иной проблеме пишут так, будто в советское время она не поднималась и не рассматривалась, а пишущие авторы считают зазорным заглянуть в статьи и книги советского периода и якобы начинают на пустом месте.

Но, так или иначе, различали миф и религию А.С. Богомолв, Ю.М. Бородай, П.С. Гуревич, А.В. Гулыга, В.Е.Давидович, Г.В. Драч, Ю. А. Жданов, М.С. Каган, Ф.Х. Кесиди, М.А.Лифшиц, Л.К. Науменко, Д.М. Угринович и многие другие философы советского периода. Одним из первых отечественных философов, вслед за Э. Кассирером вполне сознательно поставившим проблему соотношения религии и мифа, был А.Ф. Лосев. Но при постановке вопроса специфики мифа и религии А.Ф.Лосев, на наш взгляд, допускал определенные противоречия, давал взаимоисключающие характеристики: миф «не является каким-нибудь случайным и новым привеском первобытного мышления, но это есть необходимая идеология вообще всей общинно-родовой формации»; говорил о существовании в первобытности двух форм идеального: мифа и первобытного мышления, обнаруживал специфическую логику мифомышления², и т.д. А.Ф. Лосев разводил миф и первобытное мышление, так как отмечал, что это необходимо «исключительно ради различения мифологии и религии, поскольку всякий миф всегда есть некоторого рода конструктивный образ, религия же есть вера в сверхъестественное и совокупность магических и вообще практически-жизненных актов»³. С другой стороны, миф характеризовался им как оригинальное сознание, которое не знает веры (и не вера, и не знание), отличное и от магии, и от обряда в тех их формах, которые присущи зрелым стадиям культуры⁴. Такой подход в какой-то мере запутывал *проблему универсальной значимости мифологии и религии в истории культуры*. Но не упоминать эти классические работы А.Ф. Лосева в работах по проблеме соотношения мифа и религии – просто не прилично.

¹ См.: Субботин Д.В. К проблеме взаимоотношений религиозного и мифологического сознаний // Религиоведение. – 2007. – №3. – С. 110-117.

² См.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.

³ Там же. – С. 591.

⁴ См.: Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т.3. – М., 1964. – С. 457-467.

В качестве основной специфической функции мифа признавали интегративно-регулирующую (социально-практическую) ростовские ученые, которые отмечали, что религия является более поздним по времени, чем мифология, формообразованием сознания, возникает в условиях разложения первобытного общества и выполняет регулятивные функции в новых социально-исторических условиях⁵. При этом миф понимался не просто как первичная форма сознания и ментальности, но и как *универсальная, онтологическая форма*, определяющая бытие человека и в филогенезе, и в онтогенезе.

Именно такой подход позволил нам в свое время выстроить логически и методологически обоснованную версию генезиса и эволюции основных типов религиозных форм и систем, исходя из специфического понимания мифа в отличие от религии. Мы отмечали, что в условиях усложнения социального бытия человека в первичных цивилизациях, заканчивается генезис религии в формах мифологии, ее доинституциональный период и начинается институциональный, существование религии в особой форме сознания. Именно «народные религии» первых цивилизаций явились продуктом духовной деятельности жрецов, особого социокультурного института. Словесный текст, песнопение, заговор, молитва, а особенно ритуал как элементы архаического мифа, исходной формы идеального в условиях первобытности, переосмысливались и догматизировались. Старые социально-психологические механизмы (подражание и речевое внушение) получили новое подкрепление: *письменность*, инструмент не только контрсуггестии, но и контр-контрсуггестии (Б.Ф. Поршнев), который помогал жречеству кодифицировать мифологию, создавая различные *эзотерические* культы и своды *тайного знания*. Человечеству предстояло пройти долгий путь познания истины в первичных философских системах, испытать соблазны роскоши и безумства в греко-римской цивилизации, чтобы сам Бог снизошел к грешным людям в человеческом облике простого Учителя, и возникла открытая духовная система новой, монотеистической религии⁶. Возвращаясь к работам последних лет, можно только заменить, что все новое – хорошо забытое старое... Это же относится и к проблеме «новой религиозности» в целом, так как именно различение мифа и религии позволяет взглянуть на генезис субкультурных религий прошлого века в более глубокой онтологической и исторической перспективе.

Особенно надо подчеркнуть, что почти все выше названные авторы фактически развивали идею *онтологичности мифа* как формы и структуры сознания, коллективного и индивидуального, как универсального механизма ментальности и самосознания человека на всех стадиях его существования и развития. Исследования велись и в пространстве проблематики «современной мифологии». Например, еще Кассирер писал о рациональной и универсальной природе мифа (в том числе и политического), Леви-Брюль отмечал прелогизм мифомышления, его противоположность логике современного европейца.

Именно в этом тоталитарном контексте начала прошлого века теоретикам открылась не только парадоксальная, но и универсальная природа мифа и религии. Миф укоренен в самой природе человека и социума. Формируясь в глубинах доистории, он закрепляется не только в первичных и вечных знаково-символических системах, но и в архетипах человеческой психики. Мифосознание никогда не оставляет человека в его бытии, ежечасно и ежеминутно проявляясь в снах, фантазиях, повседневных реакциях и ощущениях, автоматизмах поведения, чувствах, жестах. Детская фантазия – от сказок до «страшилок» – пронизана мифом как причудливым узором. Подросток проходит полосу мифоэпического героизма, когда ночной поход за соседскими яблоками кажется столь же достойным, как и плавание аргонатов за золотым руном. Не здесь ли лежит исток умелого использования тоталитаризмом детской и юношеской психики при создании раз-

⁵ Лосева И.Н. Мифология и религия // Вопросы научного атеизма. Вып. 30.-М., 1982. – С. 46-60; Лосева И.Н. Различение мифологии и религии как форм общественного сознания // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. Науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 46-51; Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60; Римский В.П. Проблема соотношения мифа и религии: методологический анализ. Дисс... к. филос.наук. – Ростов н/ Д, 1985; Римский В. П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003, и др.

⁶ См.: Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003. – С. 158-159.

личного рода унифицирующих форм коллективности, тоталитарных организаций типа гитлерюгенд или пионерия, комсомол? Можно продолжить и показать, что фило- и онтогенез человеческого духа удивительно изоморфны, обладают соответствием как в творческих, так и в разрушительных проявлениях мифа и религии. Миф и религия оказываются вечными спутниками человеческого духа и формами бытия человека. И в силу уже одного этого обстоятельства постоянно актуализируются в различных культурно-исторических и экзистенциальных ситуациях⁷. Но если миф – вечная «субстанция» ментальности человека, то имеет ли смысл говорить о «современном» мифе?

Если да, то что же тогда понимать под современной мифологией? Почему она имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к появлению и существованию новой, субкультурной религиозности в эпоху модерна и постмодерна?

Мы понимаем под «современной мифологией» мировоззренческие и ментальные структуры общественного и индивидуального сознания, направленные на образно-символическую (бессознательную) интерпретацию и теоретико-идеологическую рационализацию экономических, социально-политических и культурных форм, социальных институтов, властных практик, общностей и групп индустриальных и постиндустриальных культурно-цивилизационных систем с целью их легитимации. Система современной мифологии позволяет, в частности, общественным и властным группам эффективно «управлять» человеком через механизмы иллюзии и рационализации, убеждения и суггестии, сублимации и объяснения, а индивиду сохранять идентичность и жизненный, онтологический смысл.

И здесь, в этой методологической схеме нет места неким «сознательным программированиям», «зомбированием» и т.п., когда антикультисты и антисектанты пытаются описывать солидарность и мифологические верования в группах субкультурных религий. Мы постараемся обходиться без этой «негативной эпистемологии».

Современная социальная мифология возникла в расколе Реформации, в динамике становления классического капитализма и идеологического проекта модерна. Интересен и тот факт, что генезис социальной мифологии совпадает с формированием современного религиозного плюрализма, конфигурации которого составляли не только христианские религиозные культуры (православие, католицизм и протестантизм), но и субкультурные религиозные формы, часто не совпадающие с христианством, противостоящие ему, восходящие часто к более «древним» традициям (гностицизму, пантеизму, дуализму и политеизму) или абсолютно новые (например, оккультизм и масонство).

Культурно-цивилизационный, системный разлом и «тектонический сдвиг» в эпоху Реформации, в который и хлынули «сектантские» мифологические архетипы как «традиции всех мертвых поколений» (К. Маркс), не закончился в эпоху Просвещения или в либеральном XIX веке. Не произошло и того, что религия «ушла в прошлое» в лучах «просвещения» и «научного прогресса» (а тем более в «торжестве коммунизма»). Многие ученые с тревогой говорили, что в век секуляризации и сциентизма, во времена утраты «религиозной тайны», когда с человека была сорвана «символическая телесность», человек утратил иррациональные, онтологические начала своего бытия, которые были воплощены в традиционных религиозных верованиях. Однако, это далеко не так. Свято место пусто не бывает...

И дело не только в появлении многообразных антихристианских или паракристианских субкультурных общин, начиная с XVII по XIX век. С самого начала новая, научно-технологическая цивилизация обнаружила мощный потенциал мифотворчества. Что же это были за мифы? В чем специфика «современной мифологии»?

Мифы современности оказываются непохожими на все, что мы встречали в традиционных религиозно-мифологических системах. Новая эпоха использовала теперь не столько мифологические образы и символы в чистом виде, сколько их превращенные, *рационально-понятийные, псевдонаучные формы*. Миф маскировался в глубине этих наукообразных рационализмов (идеологем), но на уровне обыденности и индивидуальной ментальности порождал все те товарно-фетишистские *химеры*, о которых столь талантливо писал Маркс. Дело усложнялось и тем, что индустриальная цивилизация поко-

⁷ См.: Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. – Белгород, 1998.

ится на фундаменте *инновационных технологий*, инновации постоянно задают не только экономическую и социокультурную динамику, но и мыслительно-идеологическую.

Новое становится самоназванием эпохи: «Новое время», «современность», «Модерн». Если в предыдущие эпохи основным вектором темпорального восприятия мира оставалось «прошлое», «традиция» (даже в христианском сознании с его эсхатологическим ожиданием «будущего»), то в эту эпоху время человеческого и социального бытия определяют инновации, постоянная погоня за «утраченным временем», погоня за «будущим». Но не за тем Будущим, которое помещается в горизонте грядущего Второго Пришествия Христа и Страшного Суда, а за «простым будущим», которое *уже времени*, прямо по Хайдеггеру, определяя в горизонте моей личной смерти и мою личную повседневность «простого человека» – «здесь и сейчас».

Для академических историков концепты «современности-модерна» (или «нового времени») обладают какой-то априорной самоочевидностью, так что мы не нашли сугубо исторических работ, в которых хотя бы ставились вопросы их идентификации. Идеологическая ангажированность концептов «современности» и «Нового времени» западно-буржуазной культурой неочевидна и для историков-марксистов, и для историков-либералов. Но последнее и понятно – именно для них органичны и концепты рационализма, научности и прогресса, и мифологемы «нового времени» и «современности-модерна».

Все это объясняет роль философии и социально-гуманитарных наук того времени, которые способствовали тому, что *рационально-научная аргументация*, начиная с науки и философии XVII века, служила перекодировке *сакральных текстов* христианской мифологии в *светские тексты* современной мифологии⁸. При этом, как отмечал М.К.Петров, всегда следует помнить, что наука и научно-логический текст не избавляют человеческое сознание от действия мифологизирующей силы бессознательного⁹. Можно утверждать, что классические – либеральный, социалистический и консервативный – политико-идеологические проекты вряд ли следует относить к различным типам мифотворчества. Это *формы одного культурно-исторического типа – мифологии модерна*. Она и возникла в «новое время» на почве *индустриальной цивилизации*.

Современная мифология начинает функционировать в виде *нарративного дискурса* и *наррадигмальных «мыслеобразов»*, которые ранее принадлежали другим культурным формам (философии, искусству, религии), а теперь, переплавленные в горниле массовой культуры, обрели свою мифологическую образную и знаково-символическую телесность. В.А.Шкурагов так определяет понятие «наррадигмы»: «С помощью слова «наррадигма» я пытаюсь определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах... Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мыслеобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной»¹⁰. Нарративность и «наррадигмальность» современного мифа – какой-то кентавр, сплав рационального и образного, рационального и иррационального, естественного и сверхъестественного, научного и паранаучного, обыденного и праздничного, и т.п.

Современный миф содержит в себе наррадигмально, образно-логически выраженные оценки прошлого и нормы (схемы) планирования будущего *по критериям настоящего* («здесь и сейчас»). Наррадигмальный социокод и дискурс становятся универсальными именно в современном обществе, а *наррадигмальность* – *существенной ха-*

⁸ См.: Ковальчук О.В., Римский В.П. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 5. – №12 (52). – Белгород, 2008. – С. 110-116.

⁹ См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992; Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996; Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. – М., 1995.

¹⁰ Шкурагов В.А. Историческая психология. – М., 1997. – С. 174, 175.

рактической характеристикой массовой культуры и ментальности, специфическим дискурсом мифологии модерна.

В этих сложных социокультурных и ментальных процессах и происходил слом «традиционной» христианской культуры, что приводило к эффекту «соскальзывания» системы в «прошлое», вызывало к жизни не только и не столько ранние христианские, сколько *дохристианские* (языческие) и *антихристианские* (гностицистские, атеистические) мифы и ритуалы, которые уже в XIX веке под воздействием *псевдорациональных концептов* социальной мифологии модерна трансформировались в «новые» субкультурные религии. При этом очевидно, что отказ от христианского «рационализма» или «иррационализма», из которых и вырастают во многом и современная экспериментальная наука, и капиталистическая экономика, означал не столько духовную *«секуляризацию»* (в чистом виде секуляризация выражалась лишь в отнятии церковной собственности и перераспределении политической власти в пользу государства и новой торгово-промышленной элиты), сколько *возврат к дохристианским мифологическим формам сакрализации и легитимации архаической действительности*. Это была реакция на социокультурную модернизацию (первичную в Англии, вторичную – во всех других странах, включая США с их остатками рабовладения). Это во многом и объясняет, почему в Европе и России расцветают оккультизм, появляется теософия Е.П. Блаватской, возникают «новые» харизматические религиозные общины типа иеговистов, мормонов, духовоборов и толстовцев, феномен богоискательства в духе «нового религиозного сознания» (последователи В.С. Соловьева) или «русского космизма» с абсурдными мифологическими проектами «общего дела» Н.Ф. Федорова, последователи которого уже развернулись лишь в постсоветские времена, и т.п.

В этой ситуации мифологические (и религиозные) архетипы превращаются из «естественного языка» и социокода традиционных культур в идеально-символическое инобытие различных дифференцированных культурных форм, мифология становится «искусственным языком», порой доминирующим по отношению ко всем *языкам культуры*, регулируя глубинные смысло-жизненные и ценностные установки человека, что становится реальным на технологическом базисе *средств массовой коммуникации и информации*. Мифы уходят из онтологических оснований жизнедеятельности общества и индивида по преимуществу в сферу коммуникаций и ментальности, регулируя ценностные установки субъектов на интересубъективном уровне в формах массового сознания и культуры.

К началу XX века появляются новые субъекты власти (олигархические элиты в странах либерализма и номенклатура в тоталитарных государствах) и субъекты культурного действия (массовые интеллектуальные профессии), рождается феномен *массовой культуры*, что и становится реальной основой воспроизводства *неклассической мифологии модерна*. В мифологическом пространстве массовой культуры разворачивается *тоталитарная мифология*, она дополняется умеренной социал-демократической (*мифы общества «потребления»*), распространяются *феминистские, экологические, паранаучные мифы, нетрадиционная религиозность и оккультизм*, а затем и *мифология молодежной контркультуры*, которая отрицает современность и стимулирует рождение *постмодернистской мифологии*. К середине XX века под воздействием социокультурной динамики слома индустриальной цивилизации мифология модерна вобрала в себя многие традиционные религиозно-мифологические архетипы, которые претерпели существенную *перекодировку* – прежде всего в форме псевдонаучных дискурсов и рационализаций, что и послужило почвой появления новых, мифологизированных субкультурных религий.

Социальная мифология на нынешнем рубеже столетий представляет сложноорганизованную, динамичную систему субкультурных формообразований и контркультурных процессов, связанных с трансформацией индустриальных обществ в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси. Все это служит сложным контекстом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические формы, в том числе и в субкультурные религии. На почве массовой культуры современная мифология, стихийно, естественно рождающаяся или ис-

кусственно создаваемая в обществе потребления, формирует специфические превращенные формы религиозности. Современная мифология, в том числе и субкультурная религиозность, оказывается вполне «естественным языком» самой повседневности человека. Можно говорить о новом культурном цикле, когда человечество демонстрирует потребность в экзистенциальной актуализации мифологического сознания.

Все это служит культурно-историческим и цивилизационным базисом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические формы, каковыми и являются субкультурные религии, которые иногда называют «молодежными»¹¹.

Мифосознание оказывается важнейшим феноменом современности не только в силу «атавистического» или архетипического наследования от предшествующих традиционных культур. Миф не есть просто «атавизм» в сложной системе современного сознания, умело используемый идеологами в своих корыстных «классовых» интересах. Миф – уникальный и универсальный феномен человеческой культуры, форма личностного и коллективного бытия. И в силу уже одного этого обстоятельства постоянно актуализируется в различных культурно-исторических и экзистенциальных ситуациях.

Исходя из выше изложенного, под «**субкультурными религиями**» нами понимаются *сакрально-мифологические системы верований и ритуальных практик отдельных социальных групп*, институционализированные и неинституционализированные, образующие *ценностные локальные миры*, противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («христианской», «мусульманской», «социалистической», «либеральной», и т.п.); индивидуальные и коллективные *стереотипы поведения и способы деятельности*, воплощенные в специфических *знаково-символических* формах, *социокодах, формах сознания* и структурах *личностной идентичности*. С этим связана подсистема стилей и стилевого поведения, отличающая образ жизни той или иной религиозной субкультуры; групповые формы религиозно-общинной жизни, культурные и жизненные стандарты как специфические продукты неинституционализованного (маргинального, «теневого» и т.п.) духовного производства и неофициальной массовой культуры.

В этом плане религиозные субкультуры оказываются не только структурными формообразованиями на окраинах или на поверхности «больших культур», имеющими внешние стилевые и знаково-символические маркеры, скрывающие «аксиологическое ядро солидарностей», но и творческими способами деятельности по экспериментальному производству инновационных образцов жизнедеятельности, ценностных норм поведения и личностной идентификации, проходящих проверку в сложной социокультурной динамике современного мира.

Список литературы

1. Белоусова М.М., Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40;
2. Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 5. – №12 (52). – Белгород, 2008. – С. 110-116;
3. Ковальчук О.В., Римский В.П. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23;
4. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.
5. Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. Т.3. – М., 1964. – С. 457-467.
6. Лосева И.Н. Мифология и религия // Вопросы научного атеизма. Вып. 30.-М., 1982. – С. 46-60;

¹¹ Подробнее см.: М.М. Белоусова, Римская О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3 (34). – Ростов-на-Дону, 2007. – С.35-40; Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». –№9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252.

7. Лосева И.Н. Различение мифологии и религии как форм общественного сознания // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. Науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 46-51;
8. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. – М., 1995;
9. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996;
10. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992;
11. Римская О.Н. Превращенные формы самосознания молодежи в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9 (40). – Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 247-252;
12. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 71-78;
13. Римский В. П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003;
14. Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60;
15. Римский В.П. Проблема соотношения мифа и религии: методологический анализ. Дисс... к. филос.наук. – Ростов н/ Д, 1985;
16. Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. – Белгород, 1998;
17. Субботин Д.В. К проблеме взаимоотношений религиозного и мифологического сознаний // Религиоведение. – 2007. – №3. – С. 110-117;
18. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997.

MODERN MYTHICAL CONSCIOUSNESS AND SUBCULTURAL RELIGIONS

O. N. RIMSKAYA
V.P. RIMSKIY

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The article observes contemporary social mythology as a mental mechanism of reproduction of subcultures and subcultural religions, of transformation of psychology, consciousness and behaviour of individuals in transformed (innovative, retrieval) and perverted (alienated, destructive) forms.

Key words: subcultural religiosity, myth and religion, contemporary mythology, transformed forms.